
D. DE DECKER, La politique religieuse de Maxence, «Byzantion», XXXVIII, 1968 (1969), fasc. 2, стр. 472—562

Деятельность Константина I и в частности его религиозная политика привлекает огромное внимание западноевропейских и американских историков: до-

статочно сказать, что К. Аланд насчитал около полутора тысяч работ, посвященных так называемому периоду Константина, которые вышли в свет за

последние полвека¹. Поэтому от исследования молодого бельгийского ученого Даниэля Де Деккера, посвященного предшественнику и сопернику Константина — Максентию, трудно ожидать новизны во всем: автор оперирует источниками, уже давно введенными в оборот, и многие из его положений в той или иной форме уже были высказаны раньше. Однако из широкого сопоставления этих источников и этих тезисов возникает оригинальная концепция, по-новому рисующая первые шаги Римской империи на встречу укрепляющемуся христианству. И хотя кое-какие штрихи нарисованной Де Деккером картины кажутся недостаточно обоснованными, чересчур смелыми, его точку зрения нельзя игнорировать. Для нашего читателя она тем более существенна, что в нашей литературе специальных работ о времени Константина нет, а в общих трудах отразились лишь традиционные суждения о его религиозной реформе.

Так, во «Всемирной истории» дарование свободы христианского вероисповедания связывается исключительно с деятельностью Константина (с Миланским эдиктом), Максентий не упоминается вовсе, об эдикте Галерия нет ни слова². Согласно «Истории древнего мира», уже Констанций Хлор, отец Константина, «был близок к христианам» и в своих владениях не допускал гонений на христиан. «Константин с самого начала своей правительственной деятельности пошел по этому пути»³. Еще решительнее традиционная точка зрения была высказана Н. А. Машкиным. «Максентий, — писал он, — был известен своим отрицательным отношением к христианству. Константин же, как и его отец, был сторонником веротерпимости»⁴. Такая позиция в общем и целом соответствует взглядам апологетов Константина — писателей начала IV в. Лактанция и Евсевия Кесарийского.

Де Деккер относится к традиции критически. Он начинает с того, что портрет Максентия в изображении Евсевия и Лактанция отвечал потребностям прокон-

стантиновской пропаганды. Перед читателем — не реальный персонаж, но воплощение всех качеств традиционного тирана, за исключением одного — пьянства. Исследователь касается, в частности, сообщения Евсевия, будто тиран предал казни бесчисленное множество сенаторов, тогда как мы не только не знаем по имени ни одного казненного Максентием сенатора, но и, наоборот, находим при Константине тех же членов сенаторской аристократии, что и при его предшественнике (стр. 476—482).

В самом рассказе Евсевия (Hist. eccl. VIII, 14, 1) имеется — вопреки тенденции автора — прямое сообщение о том, что Максентий распорядился прекратить гонение на христиан, правда, Евсевий старается использовать и этот факт для того, чтобы бросить тень на римского узурпатора: он заявляет, что Максентий поступал так из лицемерия, желая подольститься к римскому плебсу (стр. 482 и сл.).

Итак, Максентий — по той или иной причине — прекратил преследования христиан. Но это еще не все. Де Деккер стремится доказать, что узурпатор и сам был христианином. Для доказательства он строит серию гипотез. Во-первых, Де Деккер полагает, что Максентий, сын Максимиана, носивший родовое имя Валериев, предназначался, как и сын Констанция Хлора, к тому, чтобы стать цезарем (стр. 486 и сл.). Во-вторых, в отличие от Константина Максентий так и не сделался цезарем, но был отвергнут тетрархами как недостойный (стр. 489). В книге Лактанция «О гибели гонителей» (De morte persec., XVIII, 7—11) отмечено, что сделано это было под нажимом Галерия, выступавшего в ту пору вдохновителем антихристианской политики. Причину враждебности Галерия к Максентию Де Деккер, основываясь на Лактанции, усматривает в отказе сына Максимиана совершить акт адорации по отношению к императорам (стр. 493). Отказ же от адорации он объясняет тем, что Максентий был христианином (стр. 496—499).

В подтверждение этой мысли Де Деккер ссылается на другое сочинение Лактанция — «Божественные установления» — и высказывает в этой связи две гипотезы: 1) «Божественные установления» были созданы не в Константиновой Галлии, как это иной раз утверждают без каких-либо оснований, но в той части Империи, которая находилась под властью Максентия; 2) в эпилоге «Божественных установлений» (Div. Inst. VII, 27, 15) Лактанций намекает на отказ Максентия совершать адорацию. «Тот, кто отвергает разум, — пишет Лактанций, — и, следуя интересам минуты, простирается на землю (намека на адорацию. — А. К.), будет наказан как предатель господина, [истинного] императора и отца». К сожалению, намек Лактанция слишком

¹ K. A l a n d, Die religiöse Haltung Kaiser Konstantins, «Studia patristica», 1, 1957, стр. 549.

² «Всемирная история», т. II, М., 1956, стр. 800; ср. В. С. С е р г е е в, Очерки по истории древнего Рима, ч. II, М., 1938, стр. 709—711; С. И. К о в а л е в, История Рима, Л., 1948, стр. 700 и сл.; С. И. К о в а л е в, Е. М. Ш т а е р м а н, Очерки истории древнего Рима, М., 1956, стр. 305.

³ «История древнего мира», под ред. В. Н. Дьякова и С. И. Ковалева, М., 1956, стр. 675 и сл.

⁴ Н. А. М а ш к и н, История древнего Рима, М., 1947, стр. 551 (М., 1950, стр. 601; М., 1956, стр. 527).

туманен, чтобы настаивать на убедительности гипотезы Де Деккера.

Но был или не был Максентий христианином, его меры в защиту христиан несомненны. Это было первое прохристианское законодательство, результат политики, коренным образом отличавшейся от действий Диоклетиана и Галерия. Де Деккер показывает необоснованность предположения П. Алляра, будто еще до Максентия на тот же путь вступил его предшественник Флавий Валерий Север, следовавший примеру своего августа Константина (стр. 503). Далее Де Деккер останавливается на отношении Максентия к римским папам. Как известно, престол св. Петра оставался в начале IV в. некоторое время вакантным — до избрания папы Маркела. Дата этого избрания спорна. Де Деккер оспаривает предположение, будто Маркел стал папой еще при Севере, и отодвигает его избрание к 307—308 гг., к правлению Максентия (стр. 506 и сл.). Восстановив деятельность папства, узурпатор активно вмешивался в дела римской церкви: он сослал папу Маркела, а затем и его преемника Евсевия, но Де Деккер считает эти акции не проявлением враждебности к церкви как таковой, а попыткой за счет удаления некоторых лиц установить мир в христианской общине Рима, разрозненной и раздираемой противоречиями (стр. 507—513). Во всяком случае взаимоотношения Максентия с папой Мильтинадом (его избрание Де Деккер датирует не 311 г., как большинство его предшественников, но 2 июля 310 г. — мы сейчас увидим, какое значение имеет эта передатировка) были прекрасными; по авторитетному свидетельству Августина, Мильтинад получил от Максентия постановление о возвращении всех церковных имуществ, конфискованных во время гонений (стр. 513). Постановление Максентия было опубликовано до эдикта Галерия о веротерпимости, изданного в 311 г. (напомню, что, по Де Деккеру, папа Мильтинад занял престол еще летом 310 г.), к тому же по своему размаху оно далеко превосходило эдикт, в котором отнюдь не шла речь о возвращении церкви отнятых у нее имуществ (стр. 514 и сл.).

Де Деккер обращает внимание на еще один любопытный факт: в 307—308 гг., т. е. в правление Максентия, монетный двор в Аквилее чеканил монеты с христианским символом — знаком креста (стр. 516—519). С инициативой Максентия связывает он и созыв церковного собора в Эльвире (Испания) в 309 г. (стр. 519—521).

Интересную гипотезу Де Деккер высказывает относительно предпосылок

эдикта Галерия, видя в нем не причину, но следствие прохристианской деятельности Максентия в Риме. Исследователь полагает, что в 307 г. Максентий, узурпировавший власть в Риме, порвал с Галерием, августом Востока. Он перестал признавать его консулат и в 308 г. объявил себя консулом. В течение двух лет он находился в союзе с Константином, выступившим против Диоклетиановой тетрархии (стр. 525—533). Однако в 310 г., после разрыва с Константином, Максентий вступил в переговоры с Галерием, в результате чего он 1 января 311 г. сложил с себя консулат. Галерий же, полагает Де Деккер, пошел навстречу Максентию и, в частности, даровал эдикт о религиозной терпимости. Стремление Галерия к союзу с Максентием Де Деккер объясняет тем, что август Востока пытался сохранить созданную Диоклетианом политическую систему тетрархии (стр. 542—546).

Изображая Максентия первым римским императором, активно поддерживавшим новую религию, Де Деккер, естественно, должен был затронуть и вопрос о деятельности Константина, с именем которого, как известно, традиция связывает признание христианства. Де Деккер показывает прежде всего, насколько бесосновательны традиционные утверждения, будто уже отец Константина покровительствовал христианам: ведь даже Лактанций прямо упрекает Констанция Хлора в разрушении церковных сооружений (стр. 536—540). Далее, по мнению исследователя, Константин, по крайней мере в 310 г., оставался еще поклонником солнечного культа, а его отношение к христианству было совершенно безразличным (стр. 541). Наконец, религиозная политика Константина, искавшего поддержку у христиан и язычников, не отличалась, как полагает Де Деккер, в принципе от деятельности Максентия (стр. 549—560).

Пересматривая оценку политики Максентия и Константина, Де Деккер должен был бы подчеркнуть, что война между ними не могла быть столкновением галльских христиан и итальянских язычников, и остановиться на критике традиционного рассказа о битве у Мульвийского моста и о так называемом видении Константина. Но хотя Де Деккер этого не делает и даже не высказывает своего отношения к этому рассказу, работа бельгийского ученого, несомненно, способствует критическому пересмотру традиционной проконстантиновской версии событий, унаследованной от Евсевия и Лактанция.

А. П. Каждан